

Фильм «Дом на набережной», который прошел недавно по телевидению, встречен зрителями неоднозначно. Одни довольствовались тем, что увидели - в конце концов авторы сделали то, что хотели и могли. Другие испытали немалое разочарование: уже в который раз вместо серьезного творческого осмысления одной из драматических страниц отечественной истории нам навязали очередную коммерческую поделку «на тему». Но жизнь между тем продолжается. И корреспондент «МС» решил заглянуть в тот самый дом, тот самый двор...

ТОТ САМЫЙ ДОМ

Дом по-прежнему нависает темной громадой над набережной Стрелки, напротив Кремля. И хотя недавно рабочие прошлись по его фасадам кремовой краской, пытаясь внести мажорные тона в привычный уныло-серый облик, он все такой же нелюдимо-мрачный. По-прежнему гулко звучат шаги в его тесных дворах-колодцах, чем-то похожих на внутренне дворы Лубянки, все так же грохочут дубовые двери подъездов, все те же на них внушительных размеров ручки с потемневшей бронзой. Кто только за них ни брался!..

Говорят, здесь бывал и Сталин. А в разные годы здесь жили старые большевики - Г.И. Петровский, Н.И. Подвойский, Е.Д. Стасова, коминтерновец Г.М. Димитров, маршалы М.Н. Тухачевский, Г.К. Жуков, наркомы и министры - например, Н.С. Хрущев, А.Н. Косыгин, писатели - Д. Бедный, А.С. Серафимович, Ю. Трифонов, академики, летчики, стахановцы...

Дом построен в 1928-1931 годах в духе конструктивизма архитектором Борисом Иофаном - одним из соавторов проекта Дворца советов, который предполагалось возвести на месте храма Христа Спасителя, взорванного в начале 1930-х. Храм - и Дом. Устремленность к небу - и тяжеловесная приземленность. Дом положил начало градостроительным экспериментам, к концу XX столетия до неузнаваемости изменивших облик Златоглавы. Но Иофан все-таки ездил учиться в Италию, и на фоне помпезных уродов последующих десятилетий «дом на набережной» выглядит уже как памятник архитектуры, вследствие чего справедливо взят под охрану государством.

ДОМ БУДУЩЕГО?

В 1918 году в связи с переносом столицы государства отправились из Петрограда в Москву несколько эшелонов с членами советского правительства и их семьями. В Москве они поселились в лучших гостиницах («Метрополь», «Националь») и в Кремле. Было решено построить для них со временем отдельный дом.

Иофан решил создать жилой комплекс коммунистического будущего для строителей этого будущего. Житель дома, придя с работы, по замыслу Иофана, должен иметь под рукой все необходимое - парикмахерскую, промтоварный магазин, почту, телеграф, сберкасса, прачечную, детский сад, спортплощадку, теннисные корты, гимнастический зал, столовую. Для всего этого нашлось место в «доме на набережной». Организовали даже специальный медресе.

В каждой квартире имела газова плита - величайшая в ту пору редкость, и телефон - во всех 505 квартирах (это при том, что на всю Москву имелось тогда 1000 телефонных номеров). Плюс централизованное горячее отопление. В туалетах и ванных комнатах - просторные окна, из которых виден Кремль и его окрестности. Кухни - от 6 до 8 метров: предполагалось, что пользоваться ими будут утром и вечером, а обедать - в столовой. В каждой кухне - металлическая дверь, ведущая в тамбур. Туда выставлялись ведра с отбросами: их опорожнял специальный персонал. Все квартиры были обставлены казенной мебелью, созданной специально по эскизам Иофана. Особенно поражают своей шириной кресла, выставленные сейчас в музее дома. Столы внушительные габариты, вероятно, соответствовали вкусам жителей.

В представлении москвичей 30-х годов дом был сущим коммунистическим раем. А по западным меркам того времени - всего лишь хорошим домом со всеми удобствами. Каждый второй обитатель этого рая был репрессирован и волею судьбы сменил комфорт на «удобства» лагерей.

С момента постройки и до смерти Сталина дом охранялся сотрудниками НКВД и госбезопасности. Позднее появились добродушные и безоружные вахтеры, в 90-х - консьержи и консьержки, а в недавнее

время туда пришли «чоповцы» - работники частного охранного предприятия, выигравшего конкурс на право охраны дома...

Сначала он назывался 2-м Домом Совнаркома СССР, полуофициально - Домом правительства. Много позже, после публикации нашумевшего романа Юрия Трифонова «Дом на набережной», за ним утвердилось именно это название.

Сейчас здесь доживают свой век старики - потомки вождей ленинско-сталинской эпохи. Их осталось немного - Подвойские, Цурюпы, Иофаны... Остальные - обыкновенные российские граждане, по преимуществу - интеллигентная публика: преподаватели вузов, писатели, врачи - люди небогатые. Но есть и жильцы «де-

и клубки шерсти: Тамара Андреевна когда-то считалась в Москве лучшим модельером вязаных изделий, а это и доход, и независимость. И так, клубки шерсти на время выпущены из рук и директор высняет отношения с коллегой: «Артем, вы нас подводите, какой вы необязательный молодой человек!»

«Молодому человеку» Артему Аршаковичу Задикяну за шестьдесят. Он москвовед и фотохудожник, его знают почти во всех столичных музеях. И когда возникает вопрос, кто будет делать фотовыставку, то долго не спорят - конечно, Артем. Задикян соглашается на все и почти бесплатно, суетится, но денег катастрофически не хватает: фотобумага вздорожала, на рам-

мократического разлива» 90-х: законодатели политических мод нынешнего Кремля, теледивы, шоумены... Хозяева новой жизни ведут себя все агрессивнее, вытесняя со двора детвору в узенькие квадраты песочниц, сохранившихся с давних времен. Все свободное пространство заполнили «крутые» джипы и прочие неповоротливые иномарки...

ТАМАРА АНДРЕЕВНА

В каждом старом доме есть свой домовой - хранитель этого жилища. Пишу «есть», потому что не хочется, чтобы читатель споткнулся о неумолимо безжалостное - «был». Тамара Андреевна Тер-Егизарян... Есть музей дома, созданный ее руками, есть мемориальные доски, установленные ее стараниями в подъездах (иначе было нельзя - фасады избыточествуют этими памятками прошлого), есть круг друзей дома...

Тамара Андреевна поселилась здесь в 1931 году. До этого были бегство из Баку во время Гражданской войны, гибель отца, смерть матери, детдом, учеба в Москве, работа инженером-энергетиком. В 1947 году она была назначена начальником Главэнерго...

Мы познакомлись, когда ей стукнуло 90. Как раз тогда, в апреле 1998-го, народный музей «Дом на набережной» получил статус государственного, а Юрий Лужков вручил его директору Тамаре Андреевне Тер-Егизарян премию за большой вклад в развитие музейного дела в столице...

Тамара Андреевна решила организовать музей, едва отметив свое 80-летие. Согласитесь, нешуточная отвага. Десять лет музей жил безденежно, был общественным, прирастая экспонатами, площадями, посетителями. Но на музейных вечерах яблоку негде было упасть!

...На директорском столе лежат спицы

обезглавленной накануне войны Красной армии и ее стремительному откату на восток.

Оказывается, от истории дома до истории Отечества - один шаг.

Но Тамара Андреевна не успела...

До сих пор на доме нет мемориальной доски ее памяти, а в музее - хотя бы портрета...

ПРОПАВШИЙ ПОДЪЕЗД

Дом хранит много тайн и загадок, над которыми ломают головы современные исследователи. Одну из них - тайну исчезновения 11-го подъезда - наверняка знал создатель дома Иофан, но предпочел унести ее в могилу. Дом строили «с конца», с последних подъездов - 25-го, 24-го, 23-го, 22-го, которые примыкают к кинотеатру «Ударник». Тогда же и развешивали таблички с нумерацией подъездов. Но таблички с номером «11» вы не найдете. Однажды я поинтересовался у Тамары Андреевны, куда исчез подъезд. И вот что она рассказала:

- НКВД принимал активное участие в строительстве дома. Когда дошли до 12-го подъезда, чекисты заметили, что расположен он очень неудачно. Жильцы всех квартир, окна которых выходят в первый двор, могли видеть, что происходит в 12-м подъезде, предназначенном для высшей партийной и военной знати. Все видят - приехал Тухачевский. Пошел обедать. Пообедал, сел в машину, уехал. Вот собирается по делам Жуков. Вот стоит машина Берии, дожидается хозяина. Вот вернулся домой первый секретарь московского горкома партии Хрущев... Жили тогда в обстановке страха, шпиономании. Вот энкаведэшники и нашли остроумный выход: 11-й подъезд, расположенный по соседству, но уже в другом дворе, присоединили к 12-му, а табличку с номером «11» сняли. Таким образом, у 12-го подъезда появилась еще одна лестничная клетка, выходящая в соседний двор. Допустим, Берия собирается на работу. Служебная машина стоит у 12-го подъезда. «Враг» ждет его выхода. А тем временем Берия спускается по другой лестнице, выходит в другой двор, садится в другую машину и исчезает. Какой-нибудь «враг народа», жаждущий расправы с верным соратником вождя всех времен и народов, оказывается в дураках...

Исчезновение 11-го подъезда пришлось как нельзя кстати для обитателей подъезда 12-го: лишние жилые квадратные метры присоединили к их жилой площади, и получились прекрасные шести- и семикомнатные квартиры.

ФЕНОМЕН ЛЕВЫ ФЕДОТОВА

Лева Федотов, одаренный московский школьник тоже жил в этом доме. Он прекрасно рисовал, сочинял музыку, писал романы и, как это часто водилось в среде московской интеллигенции, вел дневник. Как и большинство его сверстников тридцатых годов, он свято верил в идеи коммунизма и боготворил Ленина. Он был слаб здоровьем, но ушел на фронт добровольцем и погиб под Тулой 25 июня 1943-го. Но вернулись с фронта его однокашники - Михаил Коршунов, Евгений Гуров. В их руки попали дневники Левы, которые он вел с 1935 года. Содержание их буквально потрясло друзей. Приведем некоторые отрывки:

«Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден, что это только видимость. Я думаю, этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину... Стоит лишь только немцам расположить свои войска в соседних с нами странах, она имеет полную возможность без промедления напасть на нас... Явно боясь выступить против нас зимой во избежание встречи с русскими морозами, фашисты попытаются втянуть нас в войну летом... Я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца (то есть июня), или в начале июля, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов... так как до зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает, как это было дело в 1812 году с Бонапартом... Победа будет за нами!.. Победа-то победой, но вот то, что мы можем потерять в первую половину войны много территории, это возможно... Мы оставим немцам, по всей вероятности, даже такие центры, как Житомир, Винница, Витебск, Псков, Гомель... Минск мы, очевидно, сдадим, Киев немцы также могут захватить, но с непомерно большими трудностями... О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинин, Смоленска, Брянска, Гомеля, Кривого Рога, Николаева и Одессы... я боюсь рассуждать... Немцы, безусловно, настолько

сильны, что не исключена возможность потерь и этих городов, за исключением только Ленинграда. То, что Ленинграда немцам не видать, это я уверен твердо. Ленинградцы народ орлы! Окружить Ленинград, но не взять его фашисты еще смогут, ибо он все же сосед границы; окружить Москву они, если бы даже и были в силах, то просто не смогут этого сделать в области времени, ибо они не успеют замкнуть кольцо к зиме - слишком большое тут расстояние. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой!»

5 июня 1941 года.

«В том, что немцы захотят напасть на нас как можно раньше, я уверен».

21 июня 1941 года.

Был Лева пророком или просто необыкновенно умным мальчиком? Об этом будут еще спорить исследователи. Дневники Левы разошлись сейчас по частным рукам, картины (он был неплохим художником) проданы в Австралию. Собрание его архива - тоже, вероятно, дело будущего.

«У НАС ПРИНЯТО ЗДОРОВАТЬСЯ»

История - историей, а жизнь идет своим чередом. На смену диссидентам, работавшим в «застойные» времена почему-то тут дворниками, нахлынули южане в цветастых халатах, а минувшей зимой тут тарактела снеготаялка, пахло мазутом. О дворниках и снеготаялке мне поведала Людмила Алексеевна Попова - старшая по подъезду № 20. Живет она здесь с начала 1960-х, когда девчонкой с рабочей окраины впервые перешагнула порог квартиры Серафимовичей, а вскоре стала супругой одного из потомков известного писателя.

Почему тут дворники были диссидентами, или, вернее, диссиденты - дворниками, Людмила Алексеевна точно не знает. Наверное, потому что были людьми образованными и ответственными за порученное дело. Жители к ним относились хорошо, а что касается политики - о ней тут рассуждать не любили. К 1990-м диссиденты из дворов исчезли. Их место заняли пестрые халаты...

- Москвичи работать не хотят, - сетует Людмила Алексеевна. - Консьержа найти проблема. Раньше за дежурство брали 500 рублей, теперь требуют тысячу. Но и за тысячу сыскать надежного человека проблема...

У Людмилы Алексеевны как у старшей по подъезду есть два неоспоримых достижения. Первое - зеркало и букет цветов в лифте, и второе - объявление (там же): «У нас принято здороваться». Это для новых жильцов. Раньше новые жильцы по-снобистски молча и чуть свысока смотрели на старых. Теперь выдвигают нехотят: «Здрасьте»... И поправляют перед зеркалом в лифте галстук.

Снеготаялка во дворе - тоже из разряда новшеств. Дворники из Бухары и Ургенча с трудом орудуя лопатами, и снеготаялка им в помощь. Она на колесях, из одного двора спокойно переезжает в другой. Кто-то из жильцов даже жаловался: тарактит во время работы, а у нас Леонид Куравлев с инсультом лежит. Слышали, может быть?..

Новая жизнь все напористее теснит старую. Но у Людмилы Алексеевны есть душа - куклы. Она их шьет, обувает и одевает, и несколько кукол даже продала на аукционе в Лондоне, куда ездила проведать родных. На вырученные деньги купила меху. Будут теперь новым куклам воротники и шубы к зиме...

Много неразгаданных тайн хранят дом и его обитатели. Но как бы ни волновали, ни приковывали они к себе взгляд исследователя, все равно покидаешь эти стены с облегчением. С радостью ныряешь в арку, оставляя за спиной уютный двор - колодец и идешь к дебаркадеру. Летом тут швартуются прогулочные суденышки, на Патриаршем мосту гомонят свадьбы и звенят бокалы с шампанским. За зеленым сквером церкви Николы на Берсеневке мост обрывается причудливым спуском в стиле техно. На него с удивлением смотрят глазницы уцелевших домишек, цокольные этажи которых врастают аж в XVII век.

Помню Стрелку еще без моста - с борта вертолета - в строгой оправе гранитных набережных и лагуры Москвы-реки, когда исчезают фасады и лишь каменные колдцы плывут где-то внизу. Только с высоты птичьего полета воспринимашь всю эту серокаменную громадину целиком - с полусферами кинотеатра «Ударник» и Тетра эстрады, с изогнутыми хребтами крыш, зазубринами фронтонов. Словно это и не дом, а застывшая лава вулкана, пробудившегося столетие назад.

Александр АСТАФЬЕВ